

УДК 316.647.5

Интолерантность дискурса как признак межэтнической напряженности

Истомина Ольга Борисовна

Доктор философских наук, профессор,
Иркутский государственный университет,
664003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1;
e-mail: olgaistomina@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема изменения дискурса в условиях социально-политической напряженности. Анализируются процессы, направленные на расширение поля пейоративной лексики, реанимацию прежних инвективных единиц, образование неологизмов. Признаки лингвокультурной интолерантности выражаются в актуализации как орудийной функции языка, так и в распространении инструментального подхода в понимании языка. Тенденции распространения инструментализма и прагматических критериев понимания законов и механизмов взаимодействий, в том числе языковых, выявлены в результате социологических исследований, проведенных автором в 2011, 2016 гг. в Иркутской области. Выявленная значимость критерия «функциональная нагрузка языка» в реальном речевом общении респондентов обусловила динамику в отношении содержания понятия «родной язык». В результате работы была выявлена взаимосвязь некоторых элементов в ситуации межэтнической напряженности: интолерантный дискурс является не только результатом конфликта, но и одновременно механизмом его эскалации; увеличение доли инвективной лексики (в форме этнофолизмов и пейоративов) в объеме дискурса свидетельствует о социальных катаклизмах; деструктивные политические и социально-экономические процессы определяют негативные изменения семантического пространства языка.

Для цитирования в научных исследованиях

Истомина О.Б. Интолерантность дискурса как признак межэтнической напряженности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Том 5. № 6А. С. 105-113.

Ключевые слова

Дискурс, инвективная лексика, межэтническое взаимодействие, межэтнический конфликт, позитивная этническая идентичность, родной язык, формы этноидентификации, этнос, этнофолизм, интолерантность.

Введение

Язык как инструмент коммуникаций выполняет в современном дискурсе множество функций. Кроме универсальных ролей, среди которых номинативная, когнитивная, коммуникативная, информативно-трансляционная, аккумулятивная, фатическая, эмотивная, социализирующая [ФЭС, 1989, 719], все большее значение обретает «орудийная» функция языка. Актуализация данной роли является следствием распространения инструментального понимания языка. Возможности языка быть орудием в процессе коммуникации объясняются данными психолингвистики и способностью языка к регуляции не только речевого, но и социального поведения его носителей. Инструментальная функция языка ориентирована и на социальное, и на индивидуальное поле коммуникации.

В условиях социально-экономической напряженности активно проявляются признаки как социально-политической, так и лингвокультурной интолерантности, что есть выражение актуализации орудийной функции языка. Чаще в современном дискурсе это происходит за счет введения в лексический состав инвективных новообразований. Инвектива – это преднамеренное причинение вреда объекту взаимодействия с помощью различных форм речевого поведения, чаще на основе пейоративной лексики или этнофолизмов. Инвектива – это вид психологической атаки, выраженный вербальными средствами [Истомина, 2015, 201]. Инвектива как форма речевой атаки особенно активна в периоды экономических потрясений и политической напряженности. Социальная нестабильность придает дополнительную энергию эмотивной и защитной функциям, пробуждает оценочность в речи, апеллируя к диспозиции «свой-чужой», где «свое» – приемлемое, правильное, а «чужое» – неверное. Язык как эффективная динамичная система фиксирует все острые открытые проблемы, является маркером неблагополучия системы межнациональных взаимодействий.

Язык в случае нарастания конфликтности активно продуцирует различные формы речевых атак, а в ситуации межэтнической напряженности, кроме инвективы, увеличивает объем этнофолизмов и пейоративной лексики в целом. Этнофолизмы – это «негативно коннотированные именованные представители различных этносов... которые проникают из арготированной лексики в литературный язык, благодаря своей экспрессивности» [Русский язык, www]. Негативная оценочность данной лексической группы выполняет «орудийную» функцию. Инвективная лексика, опираясь на психологические механизмы речевого взаимодействия, атакует и одновременно выстраивает психоэмоциональную самозащиту. Коммуниканты намеренно выстраивают негативный образ «другого» и активной ротацией инвективы как бы «оживляют» объекты, тем самым подтверждают в своем и массовом сознании отрицательные характеристики адресата. Язык в подобных ситуациях становится инструментом объективации. Следует отметить, что орудийная функция «не связана ни с потребностями общества, ни с необходимостью познания мира, «она» отражает, в сущности, примитивные представления о связи слова и вещи, слова и действия – но в иной, перевернутой,

перверсийной ипостаси...» [Шарифуллин, 2000, 93]. Очевидно, что динамика речевого поведения обусловлена социальными проблемами. Хотя инвективная лексика присутствует в тезаурусе любого языка, увеличение ее объема в общем коммуникативном процессе всегда является следствием социального неблагополучия, социальных конфликтов, в основе которых межэтническая или межнациональная неприязнь.

Интолерантность дискурса как признак межэтнической напряженности

Изменения позиций России на политической арене, военные конфликты на постсоветском пространстве, межэтнические конфликты на российской территории способствуют наполнению современного словаря, прежде всего политологического, инвективными единицами и выражениями. Валентность данной группы колеблется от иронично-презрительного до унижительного и откровенно бранного. Очевидно, что валентность социального маркирования дискурса отражает принятые в регионе и государстве типы этнической идентификации, которые реализуются в моделях межэтнических взаимодействий. Валентность этноконнотаций – показатель состояния общества, его близости или отдаленности от социальных потрясений и катастроф, маркер психологического комфорта или дискомфорта [Истомина, 2015, 206]. Позитивная этническая идентичность в подобных условиях уступает место деструктивным формам этноидентификации: этноэгоизму, этноизоляционизму или этнофанатизму. Эти формы характеризуются «прямой враждебностью, непримиримостью по отношению к иным, «не своим», чужим народам, когда на всех официальных и неофициальных уровнях бушует пожар ненависти, неприязни и обвинений друг друга» [Тощенко, 2003, 170-171].

Расистский дискурс опасен своими угрозами смены моделей межэтнического взаимодействия. Характер межкультурных контактов поддерживается свойствами речевого и социального опыта региона или государства. Деструктивная динамика данного опыта формирует социальные привычки и формирует в языковой картине мира образы этногрупп, которые сохраняются в социокультурных стратегиях не менее одного речевого поколения (20-40 лет). А это означает, что снизить градус враждебности, в ситуации закрепления негативного опыта взаимодействий становится все труднее; требуется серьезная коррекция стратегии развития межэтнической толерантности. Так, к примеру, социологическими исследованиями Левада-центра, начиная с 2011 г., зафиксирован рост враждебности в общении между этнонациональными общностями: враждебность со стороны людей другой национальности испытывают 18% респондентов, 20% респондентов сами ощущают враждебность к людям других национальностей [Национализм в России, 2011, www]. В 2014 г. зафиксировано «570 этнически мотивированных конфликтов различной степени интенсивности (от размещения ксенофобного контента в интернете до массовых столкновений с применением оружия и смертельными исходами)» [Рейтинг межэтнической напряженности..., www]. Эскалация

украинского конфликта поддержала нарастание враждебности, что способствует массовой невротизации общества вокруг национальных интересов участников конфликта. Так, в 2014 г. 30% россиян назвали Украину враждебно настроенной страной по отношению к России, а, по мнению 69% россиян, проявляют враждебность США. Уже в январе 2015 г. отношения между Россией и Украиной оценили как враждебные 48% и как напряженные – 33% респондентов [Международные отношения, www].

Межэтническая напряженность как фактор массовой невротизации и нарушения баланса взаимоотношений кардинально меняет модели межэтнического общения и используется радикальными силами для решения своих политических, экономических и иных вопросов [Истомина, 2009, 93]. Конфликт, основанный или касающийся процесса самоидентификации, коллективного самосознания, прежде всего, по этническому принципу, в короткое время приобретает массовый характер. Именно поэтому радикальные группировки склонны экономические конфликты переводить в плоскость межнациональных или межэтнических отношений, рассчитывая на привлечение эффекта синергии.

Активное обращение к орудийной функции языка в современном коммуникативном пространстве способствует распространению инструменталистских взглядов на язык. Давление указанных процессов отражается на понимании достаточно устойчивой категории «родной язык». Данная динамика выявлена в авторских исследованиях 2011-2016 гг.

Эмпирическая база исследования

Для решения исследовательских задач, связанных с определением понятия «родной язык» и его функций в современном дискурсе, дважды проведены экспертные опросы в 2011 и 2016 гг [Истомина, 2011]. В роли экспертов выступили профессорско-преподавательский состав факультета (ППС) и выпускники филологического факультета Иркутского государственного университета. Общий объем выборки в 2011 г. – 82 респондента, из них 19 – представители ППС, 23 – студенты специальности «Бурятская филология», 40 – студенты-выпускники специальности «Русская филология». В 2016 г., в связи со структурными изменениями на факультете, опрошены 92 респондента, из них 35 – ППС, 32 – студенты выпускного курса специальности «Русская филология», 25 – выпускники курса «Английский и китайский языки».

Цель опроса – определение наиболее значимых в современном речевом пространстве критериев определения понятия «родной язык». Автором были выделены варианты дефиниций исследуемого понятия, отражающие как объективную, так и субъективную стороны вопроса. Вслед за М.Н. Губогло и В.Г. Костомаровым [Губогло, 1998; Костомаров, 1991] выделены инструментальный и философско-культурологический подходы, отражающие объективные и субъективные критерии дефиниций. Инструментальный подход как реализация принципов рационализма определяет язык в качестве инструмента коммуникации, средства

реализации коммуникативных потребностей. Для философско-культурологического подхода, описанного К.-О. Апелем, Л. Витгенштейном, Л.В. Щербой [Апель, 1997; Витгенштейн, 2009; Щерба, 57], язык – это дух народа, «дом бытия», символ национальной культуры, «созерцание, чувствование, осмысление и оценка мира» [Агеев, 1990, 70].

Анкета содержит дефиниции обоих подходов. Объективная часть как выражение инструментального подхода представлена критериями: время усвоения, уровень компетенции, степень функциональности, критерий внешней идентификации. Субъективные оценки реализуются через критерии этнической принадлежности и самоидентификации. Для опроса выбраны следующие варианты определений: «язык моей матери, язык, на котором говорят в моей семье», «язык, который я усвоил первым», «язык моего народа, моей национальной принадлежности», «язык, которым я владею лучше всего», «язык, который является в моей жизни функционально первым, которым я пользуюсь чаще всего», «язык, на котором я думаю», «язык, который я по собственному желанию считаю таковым», «другой вариант» [Истомина, 2012]. Респондент мог указать свой вариант ответа, а также должен был расставить степень важности по принципу 1 – самое важное, 7 – наименее важное из перечисленного. Полученный средний балл определяет степень важности критерия: чем ниже средний балл указанного критерия, тем больше его ценность в сознании респондента-эксперта. Дефиниции распределились следующим образом:

1. «язык моего народа, моей национальной принадлежности» – 1,9;
2. «язык моей матери, язык, на котором говорят в моей семье» – 2,3;
3. «язык, на котором я думаю» – 2,9;
4. «язык, который является в моей жизни функционально первым, которым я пользуюсь чаще всего» – 3,7;
5. «язык, который я усвоил первым» – 4,1;
6. «язык, которым я владею лучше всего» – 4,6;
7. «язык, который я по собственному желанию считаю таковым» – 5,5.

В 2011 г. экспертная фокус-группа выделила и философский, и инструментальный подходы к пониманию языковой системы. Большая часть респондентов отметила критерий национальной принадлежности, отдавая языку первенство роли этнического идентификатора – 45% (в 2016 г. – 42,3%), на втором месте – функциональный подход, широта применения языка в большинстве социальных сфер – 17% (30,4% в 2016 г.). Первостепенность функциональной нагрузки языка в реальном речевом общении в большей степени важна для респондентов молодежной группы (21 – 23 лет) – 14,6%, и только 2,4% представителей ППС старшей возрастной группы (45 – 60 лет) поддержали эту точку зрения (в 2016 г. 22,8% и 3,2% соответственно). Заметное увеличение доли функционального подхода объясняется распространением функционального отношения к языку в молодежной группе опрошенных. Язык, который используется чаще, становится для его носителя родным, поэтому для 8,5% (в 2016 г. – 11,9%) респондентов родным является язык, на котором они думают.

Подвижки в определении категории «родной язык» свидетельствуют о ее наполнении прагматическими смыслами. Прагматизация речевого поведения грозит рисками универсализации его средств. Узкое понимание языка как орудия, способного к сугубо рациональной реализации нужд коммуникации, является пусковым устройством для ассимиляционных процессов. В полиэтнической российской среде данные тенденции снижают социальные роли миноритарных языков и могут повлечь гибель многих этнических языков, что, очевидно, также является причиной расширения плоскости конфликтов и изменения этнонациональной структуры государства.

Заключение

Интолерантный дискурс реализует орудийную функцию языка в условиях нестабильности, являясь не только результатом конфликта, но и одновременно механизмом его эскалации. Развитию гена конфликтности способствуют получившая распространение в условиях нестабильности инвективная лексика (в форме этнофоллизмов и пейоративов). Увеличение доли подобных лексических средств в общем объеме дискурса свидетельствует о социальных катаклизмах, требующих пристального внимания всех участников конфликта.

Употребление инвективных единиц значительно влияет на опыт межкультурного общения, вымывает позитивно ориентированные традиции и надолго закрепляет в коллективном сознании негативные образы представителей «иных» культур. Деструктивные политические и социально-экономические процессы определяют негативные изменения семантического пространства языка. Чрезмерная активность инвективы, особенно в ситуации длительного конфликта, нарушает не только языковые, но и социальные права оппонентов, и даже их национальные интересы. Современная лингвокультурная ситуация нуждается в редуцировании аффективных моделей коммуникации и развитии позитивных межкультурных коммуникаций для достижения эффективности в общении. Важно помнить, что позитивный опыт лингвокультурных контактов обеспечивает успешную самоидентификацию индивида в этнокультурном, общегосударственном и мировом измерениях.

Библиография

1. Агеев В.С., Абалкина М.А. Анатомия взаимопонимания. М.: Знание, 1990. 64 с.
2. Апель К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 76-92.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Наука, 2009. 133 с.
4. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 816 с.
5. Истомина О.Б. Инвектива как способ социально-психологического маркирования дискурса // Европейский журнал социальных наук. 2015. № 3. С. 200-207.

6. Истомина О.Б. Критерии определения дефиниции понятия «родной язык» в современных условиях // Вестник БГУ. Серия: Философия. Социология. Политология. Культурология. 2011. № 14 А. С. 74-80.
7. Истомина О.Б. Этничность как коммуникативный ресурс // Вестник БГУ. Серия: Философия. Социология. Политология. Культурология. 2009. № 14. С. 92-96.
8. Истомина О.Б. Языковые контакты в современном российском обществе: сущность, формы, тенденции (региональный аспект). Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2012. 288 с.
9. Костомаров В.Г. Мой гений, мой язык. М.: Знание, 1991. 63 с.
10. Международные отношения. URL: <http://www.levada.ru/09-02-2015/mezhdunarodnye-otnosheniya>
11. Национализм в России, 2011. URL: <http://www.levada.ru/26-09-2011/natsionalizm-v-rossii>
12. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath\01>
13. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972. 80 с.
14. Русский язык. URL: <http://russkiyyazik.ru/420/>
15. Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.
16. Философский энциклопедический словарь (ФЭС). М.: Советская энциклопедия, 1989. 840 с.
17. Шарифуллин Б.Я. Инвектива: лингвистика vs. юриспруденция, или лингвистика atque юриспруденция // Вестник Красноярского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2000. № 2. С. 93-96.
18. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 186 с.

Discourse intolerance as sign of interethnic tension

Ol'ga B. Istomina

Doctor of Philosophy, Professor,

Irkutsk State University,

664003, 1 Karl Marks st., Irkutsk, Russian Federation;

e-mail: olgaistomina@mail.ru

Abstract

The article discusses the problem of discourse changing the context of social and political tensions. The author analyses the processes aimed to extension of pejorative language,

recovery of previous invective units and formation of neologisms. The author emphasises that in the conditions of socio-political intensity signs of the conflict are expressed, first of all, in change of a discourse. Signs of a linguocultural intolerance are expressed in updating to both canon function of language, and distribution of tool approach in understanding of language. Tendencies of distribution of an instrumentalism and pragmatical criteria of understanding of laws and mechanisms of interactions, including language, are revealed as a result of the social researches conducted by the author in 2011, 2016 in the Irkutsk region. The revealed importance of criterion "functional loading of language" in real speech communication of respondents also caused dynamics concerning the maintenance of the concept "native language". The following conclusions are drawn the relationship of some elements in the situation of ethnic tension. Intolerant discourse is not only the result of the conflict, but at the same time the mechanism of its escalation. Increasing the share of invective language (in the form of etnofolizmov and peyorativov) in the amount of discourse suggests social cataclysms. Destructive political and socio-economic processes determine the negative changes of the semantic space of language.

For citation

Istomina O.B. (2016) Intolerantnost' diskursa kak priznak mezhetnicheskoi naprya-zhenosti [Discourse intolerance as sign of interethnic tension]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 5 (6A), pp. 105-113.

Keywords

Discourse, invective lexicon, interethnic interaction, interethnic conflict, positive ethnic identity, native language, ethnoidentification forms, ethnos, etnofolizm, intolerance.

References

1. Ageev V.S., Abalkina M.A. (1990) *Anatomiya vzaimoponimaniya* [Anatomy of Communication]. Moscow: Znanie Publ.
2. Apel' K.-O. (1997) Transsendental'no-germenevticheskoe ponyatie yazyka [Transcendental and hermeneutical concept of language]. *Voprosy filozofii* [Philosophy Questions], 1, pp. 76-92.
3. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* (1989) [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ.
4. Guboglo M.N. (1990) *Yazyki etnicheskoi mobilizatsii* [Languages of ethnic mobilization]. Moscow: Shkola Yazyki russkoi kul'tury Publ.
5. Istomina O.B. (2009) Etnichnost' kak kommunikativnyi resurs [Ethics as communicative resource]. *Vestnik BGU. Seriya: Filozofiya. Sotsiologiya. Politologiya. Kul'turologiya* [Bulletin

- of Buryat State University. Series: Philosophy. Sociology. Political science. Cultural science], 14, pp. 92-96.
6. Istomina O.B. (2011) Kriterii opredeleniya definititsii ponyatiya "rodnoi yazyk" v sovremennykh usloviyakh [Criteria of definition establishment of the concept "native language" in the present context]. *Vestnik BGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Poli-tologiya. Kul'turologiya* [Bulletin of Buryat State University. Series: Philosophy. Sociology. Political science. Cultural science], 14 A, pp. 74-80.
 7. Istomina O.B. (2012) *Yazykovye kontakty v sovremennom rossiiskom obshchestve: sushch-nost', formy, tendentsii (regional'nyi aspekt)* [Language contacts in modern Russian society: essence, forms, tendencies (regional aspect)]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ.
 8. Istomina O.B. (2015) Invektiva kak sposob sotsial'no-psikhologicheskogo marki-rovaniya diskursa [Invective as way of social and psychological marking of a discourse]. *Evropeiskii zhurnal sotsial'nykh nauk* [European magazine of social sciences], 3, pp. 200-207.
 9. Kostomarov V.G. (1991) *Moi genii, moi yazyk* [My genius, my language]. Moscow: Znanie Publ.
 10. *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International relations]. Available at: <http://www.levada.ru/09-02-2015/mezhdunarodnye-otnosheniya> [Accessed 21/09/16].
 11. *Natsionalizm v Rossii* (2011) [Nationalism in Russia]. Available at: <http://www.levada.ru/26-09-2011/natsionalizm-v-rossii> [Accessed 21/09/16].
 12. *Reiting mezhetnicheskoi napryazhennosti v regionakh Rossii* [The rating of interethnic tension in regions of Russia]. Available at: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/> [Accessed 21/09/16].
 13. Rozentsveig V.Yu. (1972) *Yazykovye kontakty. Lingvisticheskaya problematika* [Language contacts. Linguistic perspective]. Leningrad: Nauka Publ.
 14. *Russkii yazyk* [Russian]. Available at: <http://russkiyyazik.ru/420/> [Accessed 21/09/16].
 15. Sharifullin B.Ya. (2000) Invektiva: lingvistika vs. yurisprudentsiya, ili ling-vistika atque yurisprudentsiya [Invective: linguistics vs. law, or atque linguistics law]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo uni-versiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Krasnoyarsk state university. Series: Humanities], 2, pp. 93-96.
 16. Shcherba L.V. (1957) *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Chosen works on Russian]. Moscow: Uchpedgiz Publ.
 17. Toshchenko Zh.T. (2003) *Etnokratiya: Istoriya i sovremennost'. Sotsiologicheskie ocherki* [Etnocracy: history and present. Sociological sketches.]. Moscow: ROSSPEN Publ.
 18. Wittgenstein L. (1921) *The Tractatus Logico-Philosophicus*. London: Routledge & Kegan Paul. (Russ. ed.: Vitgenshtein L. (2009) *Logiko-filosofskii traktat*. Moscow: Nauka Publ.).